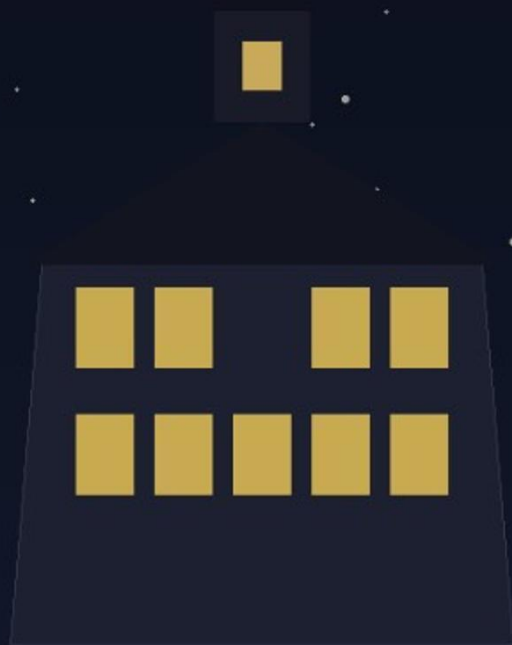

ГОСТЬ, КОТОРОГО НЕ ЖДАЛИ

—◆—
СЕВЕРИН ЛИНД

Озеро Сварг хранит чужие тайны

Линд Северин

Гость, которого не ждали

«Автор»

2026

Северин Л.

Гость, которого не ждали / Л. Северин — «Автор», 2026

Туман над озером Сварг не рассеивается до полудня. В особняке на Стрелке найден мёртвым антиквар Эдуард Линн. На столе — два бокала, но один идеально чист, будто его стёрли. Дверь была не заперта. Бутылка — почата. В доме пахнет чужими духами. Следователь Артём Громов — человек, который сам прячется от прошлого — берётся за дело, которое выглядит как естественная смерть. Но исчезнувшая брошь, тайный сейф и имя, которого нет ни в одном списке, говорят об обратном. Семеро близких. Семь мотивов. Один гость, которого не ждали.

Линд Северин

Гость, которого не ждали

ГОСТЬ,

КОТОРОГО НЕ

ЖДАЛИ

Северин Линд

Детективный роман

Велесов — город у озера Сварг

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

Глава 1. Утро на Стрелке

Глава 2. Вдова

Глава 3. Сын

Глава 4. Ассистентка

Глава 5. Партнёр

Глава 6. Ювелир

Глава 7. Домработница

Глава 8. Сейф

Глава 9. Дневник

Глава 10. Семеро

Глава 11. Дочь

Глава 12. Токсикология

Глава 13. Второй допрос

Глава 14. Нити затягиваются

Глава 15. Ольга

Глава 16. Признание

Глава 17. Камеры

Глава 18. Разоблачение

Глава 19. После

Глава 20. Тени

Глава 21. Озеро

Глава 22. Новая жизнь

ЭПИЛОГ

ПРОЛОГ

Озеро Сварг дышало. Так говорили в Велесове — старом портовом городе на северном берегу, где дома жались друг к другу, будто им холодно, а фонари на набережной горели тускло и неуверенно, словно стеснялись собственного света. Озеро дышало — это значило, что с его поверхности поднимался туман. Не обычный, молочный, который рассеивается к полудню.

Нет. Сваргский туман был густой, тяжёлый, почти осязаемый. Он наползал на город с воды, как живое существо, обнимал фонарные столбы, забирался в переулки, глотал звуки.

В такие ночи Велесов казался вымершим. А иногда — и был вымершим. На Стрелке — узком мысе, вдавшемся в озеро, как палец, указывающий на восток, — стоял особняк Линна. Три этажа камня, мансарда с медным фонарём, черепичная крыша, покрытая мхом. Особняк был стар, но не ветх — его строили на совесть, из серого гранита, который добывали в карьере за холмом Межевым. Камень потемнел от времени, и в тумане дом казался чёрным, будто вырезанным из бумаги. В окне второго этажа горел свет.

Эдуард Линн сидел за дубовым столом в своём кабинете. Перед ним — два бокала. Бутылка «Сваргского рубина», местного вина, которое делали из винограда, выращенного на южном склоне холма Межевого. Вино было тёмно-красное, почти чёрное, с рубиновым отливом на свету. Линн был стар. Седые волосы, зачёсанные назад, тонкие пальцы с крупными суставами, морщины, как борозды на вспаханном поле. Но глаза — живые, яркие, серые, будто озёрная вода в ясный день. Глаза антиквара, который умеет видеть в вещи то, что скрыто от других. Он налил вино в оба бокала.

Один — себе. Другой — напротив, через стол, где стоял пустой стул. — За тебя, — сказал он тихо, поднял бокал, пригубил. Второй бокал остался нетронутым. Линн поставил свой бокал, откинулся в кресле, посмотрел на туман за окном. Туман стучал в стекло, как просят войти. — Ты ведь придёшь, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. Туман молчал. Эдуард Линн закрыл глаза. Когда он открыл их снова — а это было через несколько минут или через несколько часов, он не знал, — второй

бокал был пуст. А в кабинете пахло духами. Тонкими, цветочными, с нотой шалфея. Линн улыбнулся. Коротко, одними губами, как человек, который давно перестал удивляться. — Я знал, — сказал он. Потом тьма. Не та, что снаружи, — та, что изнутри. Тьма, которая заполняет голову, как вода заполняет трюм тонущего корабля. Мягко, неотвратимо, беззвучно. Эдуард Линн умер тихо. Без крика, без борьбы, без последнего слова. Просто — погас, как свеча, на которую слишком долго дышали.

Озеро Сварг дышало.

Глава 1. Утро на Стрелке

Следователь Артём Громов проснулся в шесть утра от тишины. Тишина была неправильной. Не той, что бывает рано, когда город ещё не очнулся. А той, что наступает, когда что-то уже случилось, но ты ещё не знаешь — что. Он лежал на диване — спал в кабинете снова, не дойдя до спальни — и смотрел в потолок. Потолок был белый, с трещиной, похожей на реку на карте. Эту трещину он знал наизусть. Она начиналась у лампы, делала поворот к окну, раздваивалась, и одна ветвь уходила в угол, а другая — к двери. Река без названия.

Телефон зазвонил. Громов посмотрел на экран. Начальник. Полковник Рудин. — Громов, — сказал он без приветствия. Его голос был хриплым, недовольным. — Стрелка, дом три. Особняк Линна. — Что случилось? — Громов сел на диване, потёр лицо. — Линн мёртв. Пауза. Громов мысленно перебрал: Эдуард Линн, антиквар, владелец галереи «Сварог» на Центральном проспекте. Семьдесят два года. Жена — Марина, сын — Денис. Партнёр — Виктор Засекин.

— Естественная смерть? — спросил Громов, хотя уже знал ответ. Рудин не звонил бы в шесть утра из-за естественной смерти. — Если бы. Два бокала на столе. Один — с его отпечатками. Второй — пустой, чистый, будто его вымыли. И нигде ни следа второго человека. Но бокал — на двоих, Артём. Громов встал, натянул джинсы, рубашку, куртку. Зеркало в прихожей показало: сорок один год, тёмные волосы с проседью на висках, лицо худое, обветренное, глаза серые, уставшие. Последний год он выглядел старше своего возраста. С тех пор как Кира умерла.

Он не думал о Киру утром. Он думал о ней вечером, когда ложился. Утром — работал. Это было его правило. Утром — дело, вечером — память. Так он держался. Велесов встретил его туманом. Сентябрь, и озеро уже дышало по-настоящему — с ночи до позднего утра. Машина ехала по набережной, и фонари стояли размытыми пятнами, как акварель, которую забыли высушить. Стрелка — это был отдельный мир. Узкая дорога по каменному гребню, с двух сторон — вода. Слева — открытое озеро, справа — заводь, заросшая камышом. Особняки на Стрелке стояли редко, каждый — за своей оградой, каждый — со своей историей.

Дом три — особняк Линна — был самым старым и самым красивым. Громов остановил машину у ворот, вышел. Туман обнял его, влажный, холодный. Пахло водой, мхом и чем-то ещё. Сладковатым. Медицинским. У ворот стояла патрульная машина. Молодой сержант Сева Котов — рыжий, веснушчатый, в форменной куртке, которая была ему велика — козырнул. — Товарищ следователь, тело в кабинете, на втором этаже. Судмедэксперт на месте. — Кто нашёл? — Громов прошёл через ворота, по дорожке из щебня, мимо кустов сирени, которые уже сбросили листья.

— Домработница. Зинаида Полякова. Пришла утром, как обычно, в семь. Дверь была не заперта — это необычно, Линн всегда запирал. Она поднялась, увидела его за столом. Думала — спит. Потом увидела бокалы и побежала звонить. Громов поднялся по каменным ступеням. Дверь — массивная, дубовая, с медной ручкой в форме виноградной грозди — была приоткрыта. В прихожей — темно, прохладно. Пахло старым деревом и пылью, как в музее. Лестница — широкая, каменная, с коваными перилами. На стенах — картины. Громов не разбирался в живописи, но чувствовал: это не репродукции. Настоящие. Масло,

тяжёлые рамы, потемневший лак. На втором этаже — коридор, три двери. Средняя — открыта. Из неё — свет, запах, тишина. Кабинет Линна был большой, квадратная комната с камином, двумя окнами на озеро и потолком, высоким, как в церкви. Книжные шкафы от пола до потолка, дубовый стол, два кресла, между ними — стол. На столе — два бокала. Один — с тонким осадком красного вина на дне. Второй — чистый. Совершенно чистый. Будто его только что из шкафа достали.

Эдуард Линн сидел в кресле. Голова откинута назад, глаза закрыты, руки на подлокотниках, ноги вытянуты. Лицо — спокойное, будто он уснул. Но слишком спокойное. Слишком правильное. Так не засыпают. Так — уходят. Судмедэксперт — Лариса Веденева, невысокая женщина в очках, с короткими тёмными волосами и руками хирурга — стояла у тела, делала пометки в блокноте. — Ну? — спросил Громов. — Без видимых следов насилия, — сказала Веденева, не поднимая головы. — Но ждал тебя, прежде чем делать выводы. Посмотри на бокалы. Громов подошёл ближе. Наклонился.

Первый бокал — прозрачный, с лёгким красным налётом на дне. Отпечатки — только Линна. Он уже знал это — Рудин сказал. Второй бокал — чистый. Абсолютно. Ни отпечатков, ни налёта, ни капли. — Вымыт, — сказал Громов. — Или вымыли, — кивнула Веденева. — Или никогда не наливали. Но тогда зачем он стоит на столе? На двоих — два бокала, но один как будто стёрли. Громов осмотрел комнату. Бутылка «Сваргского рубина» — на столе, початая, примерно на треть. Пробка — на столе, рядом. Штопор — в ящике стола? Нет, на подоконнике. Далеко от

бутылки. Кто-то открывал вино, доставал штопор, потом поставил бутылку на стол, а штопор отнёс на подоконник. Зачем? Камин — холодный, чистый. Внутри — зола, старая, не от сегодняшней ночи. Окна — закрыты, защёлкнуты изнутри. Туман за стеклом — белый, непроницаемый. Дверь — без следов взлома. Громов посмотрел на руки Линна. Правая — расслабленная, пальцы слегка согнуты. Левая — на подлокотнике, и на безымянном пальце — кольцо. Золотое, с гравировкой. Громов наклонился, прочитал: «Э.Л. —

М.Л. 1972». Эдуард и Марина Линн. Год свадьбы. — Марина Линна — где? — спросил он. — В городе, — ответил Котов от двери. — На Приозёрной, двадцать один. Квартира. Они

с Линном жили отдельно последний год. Громов кивнул. Это было уже интересно. Он обошёл стол, заглянул за кресло. На полу, под краем ковра, — что-то блеснуло. Он присел, отодвинул край. Тонкая золотая цепочка с маленьким кулоном — капля, исполненная в синей эмали. Изящная, тонкая работа.

— Веденеева, — позвал он. — Это видели? Она подошла, наклонилась. — Нет. Под ковром? — Наполовину. Будто упало и кто-то случайно наступил на край ковра. — Или нарочно затёр, — сказала она. Громов поднял цепочку платком, положил в пакетик. Ещё одна загадка. Бокал, вымытый или стёртый. Цепочка, спрятанная под ковром. Он посмотрел в окно. Туман стоял стеной. Озеро Сварг молчало.

Глава 2. Вдова

Марина Линна жила на Приозёрной, в двухкомнатной квартире с видом на залив. Квартира была маленькая, чистая, без лишних вещей. Никаких картин на стенах, никаких антикварных безделушек. Будто Марина специально окружила себя простотой, чтобы не повторять жизнь, которую вела в особняке на Стрелке. Громов позвонил в дверь в девять утра. Туман ещё не рассеялся — он редко рассеивался раньше одиннадцати в сентябре. Дверь открыла женщина, которой можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят. Высокая, сухая, с прямыми

тёмными волосами, собранными в хвост. Лицо — красивое, но красота была сухая, как осенний лист. Скулы, тонкий нос, серые глаза, которые смотрели прямо и не мигали. — Вы по поводу Эдуарда, — сказала она. Не вопрос. — Да. Следователь Громов. Вы — Марина Линна? — Была Линна. Уже год как просто Марина Сергеевна. Развод. Громов поднял бровь. Рудин сказал — жили отдельно. Но развод — это другое. — Когда вы видели мужа в последний раз?

— Позавчера. В галерее. Он подписывал документы на передачу части коллекции городу. Я была свидетелем. Мы попили кофе. Разошлись. Она говорила ровно, без пауз, без вздохов. Как заученный текст. Или как человек, который давно переболел и теперь просто констатирует факты. — У вас были напряжённые отношения? — У нас не было никаких отношений, следовательно. Последний год мы общались исключительно по делам. Коллекция, документы, налоги. Как партнёры по бизнесу, которые давно перестали быть друзьями.

Громов осмотрел квартиру. На каминной полке — фотографии. Одна, в рамке: молодая женщина и молодой мужчина, смеются, на фоне озера. Линн и Марина, лет тридцать назад. Он — с тёмными волосами, загорелый, живой. Она — с распущенными волосами, веснушки на носу. — Хороший снимок, — сказал Громов. Марина не посмотрела на фотографию. — Это было давно. — Кто знал, что Линн вечером дома один? — Все. Эдуард не скрывал, что живёт один. Домработница приходит утром,

уходит к вечеру. Он ужинал один, читал, ложился рано. Рутин. — А бутылка вина? «Сваргский рубин»? — Эдуард пил по бокалу вечерами. Не больше. Говорил, что вино помогает думать. — Она чуть усмехнулась. — Он вообще любил красивые жесты. Бокал вина, камин, тишина. Театр одного актёра. — Но на столе было два бокала. Марина посмотрела на Громова впервые с момента начала разговора — прямо, внимательно. — Два? — переспросила она.

— Один — его. Второй — чистый, будто стёрли. — Стёрли, — повторила она тихо. — Это на него похоже. Или на кого-то, кто знал его привычки. — Что вы имеете в виду? — Эдуард любил театральность. Два бокала — это жест. Он мог налить себе и налить гостю, который не пришёл. Или пришёл, но не пил. Или пил, но потом всё стёр. — Зачем? — Затем, что Эдуард не любил оставлять следы. Он был реставратор по натуре. Реставратор — это не тот, кто создаёт. Это тот, кто убирает лишнее, чтобы осталось только важное.

Громов помолчал. Потом: — Где вы были вчера вечером? — Дома. С семи вечера. Читала, легла спать в одиннадцать. — Кто-то может подтвердить? — Соседи? Камера на подъезде? Я не знаю, следовательно. Я живу одна. — У вас есть ключи от особняка? — Нет. Вернула

при разводе. Все ключи — у Эдуарда. Или у Дениса, нашего сына. Или у Зинаиды, домработницы. Громов достал платок, вынул из кармана пакетик с цепочкой. — Узнаёте?

Марина посмотрела. Лицо не изменилось. Но пальцы — дрогнули. Едва заметно, как от сквозняка. — Нет, — сказала она. — Не моё. Но Громов видел: она узнала. Или, по крайней мере, узнала стиль. Капля синей эмали — ювелирная работа, тонкая, дорогая. — Спасибо, — сказал он. — Если вспомните что-то, звоните. На выходе из подъезда он остановился, посмотрел на озеро сквозь туман. Марина Линна лгала. Не во всём, но в главном. Она знала больше, чем показывала. Вопрос — что именно.

Глава 3. Сын

Денис Линн жил на Центральной, в квартире над галереей «Сварог». Две комнаты, окна на проспект, и оттуда — вид на фонтан, на тополя, на памятник основателю города, купцу Велезову, который стоял на постаменте с протянутой рукой, будто указывал направление. Денису было тридцать два. Худой, нервный, с отцовскими серыми глазами и материнскими скулами. Волосы — тёмные, коротко стриженные. Одежда — джинсы, свитер, кроссовки. Никакого антикварного лоска. Денис казался человеком, который старался не быть похожим на отца — и при этом не мог от

него уйти. Громов застал его в галерее, на первом этаже. Денис стоял за прилавком и смотрел в стену. Просто стоял и смотрел. — Денис Эдуардович? — Да. — Он обернулся. Глаза — красные, но не от слёз. От бессонницы. — Я уже знаю. Звонили из полиции. — Когда вы последний раз видели отца? — Вчера. Днём. Около четырёх. Здесь, в галерее. Он пришёл, проверил документы, поговорил с Наталией — нашей ассистенткой. Потом ушёл домой.

— Как он был? Денис помолчал. Провёл рукой по лицу. — Спокоен. Слишком спокоен. Он бывал таким, когда что-то решил. Когда внутренне уже всё устроил, а внешне — ни одного признака. — Что он мог решить? — Не знаю. Эдуард не делился. Он жил в своём мире, следователь. Мир состоял из вещей, ценностей и истории. Люди были... приложением. Я не обижаюсь — это просто факт. — Вы обижены? Денис посмотрел на Громова. Прямо, открыто.

— Я перестал обижаться лет в двадцать пять. Понял, что обида — это тоже форма зависимости. А я не хотел зависеть от отца. Ни от его любви, ни от его денег. — Но деньги вы получали? — Получал. Ежемесячное содержание. Не большое, не маленькое. Хватало на жизнь. Эдуард считал, что деньги развращают. Он давал ровно столько, чтобы я не голодал, но и не расслаблялся. Его слова. Громов осмотрел галерею. Она была небольшая — два зала, витрины, полки. Вещи: фарфор, серебро, бронза, картины, украшения. Всё — старое, с историей, с ценниками.

— Кто имеет доступ в галерею? — Я, отец, Наталия — она ассистентка, ведёт каталоги и приём. И Виктор Засекин — партнёр отца. У него свой ключ. — Засекин. Что за человек? — Виктор — сложный человек. Бывший моряк, потом антиквар. Они с отцом дружили тридцать лет и ссорились тридцать лет. Виктор — шумный, энергичный, всегда с идеей, всегда с проектом. Отец — тихий, вдумчивый, осторожный. Они были как огонь и вода, но почему-то работали вместе. — Ссоры — из-за чего?

— Из-за денег, из-за методов, из-за принципов. Виктор покупал быстро, рискованно. Отец — вдумчиво, аккуратно. Виктор хотел расширяться, открывать филиалы. Отец — нет. «Одна галерея, одна коллекция, одна репутация», — говорил он. — Последняя ссора? — Неделью назад. Виктор предложил продать часть коллекции частному коллекционеру — из столицы. Большой деньги. Эдуард отказался. Виктор кричал. Я слышал из квартиры сверху. — Кричал — что именно? — Что Эдуард сидит на золоте и не даёт никому дышать. Что коллекция гниёт в подвалах, пока могла бы жить.

Что он, Виктор, вложил двадцать лет и имеет право решать. — И что Эдуард? — Эдуард молчал. Он всегда молчал, когда Виктор кричал. А потом сказал: «Коллекция останется в

Велесове. Это не обсуждается». И ушёл. Громов сделал пометки. — У вас есть ключи от особняка? — Да. Есть. — Где вы были вчера вечером? — Здесь. Наверху. Работал над каталогом. С семи до одиннадцати, примерно. — Кто-то может подтвердить?

— Наталия. Она заходила около восьми, принесла документы. — Наталия — это? — Наталия Корм. Наша ассистентка. Двадцать шесть лет, работает в галерее три года. Аккуратная, тихая, знает каждый предмет в коллекции. Громов кивнул. — Ещё вопрос. Знакома ли вам вот эта цепочка? Он показал пакетик. Денис посмотрел — и побледнел. Явно, заметно, как будто из него вылили кровь. — Это... это Наталии, — сказал он после паузы.

— Вы уверены? — Уверен. Я дарил. Громов посмотрел на него. — Вы дарили ассистентке золотую цепочку с синей эмалью? — Да. На день рождения. Полгода назад. — И она была в особняке вашего отца вчера ночью. Цепочка — на полу, под ковром, в кабинете. Денис открыл рот, закрыл. Сел на стул, который стоял у прилавка. — Этого не может быть, — сказал он тихо. — Наталия не была в особняке. Она... Она не общалась с отцом наедине.

— Почему «наедине»? — Потому что отец не любил, когда кто-то из галереи приходил к нему домой. Говорил: дом — это крепость, а галерея — это работа. Не смешивать. Громов помолчал. Потом: — Мне нужно поговорить с Наталией Корм. — Она придёт в десять, — сказал Денис. Голос — пустой, как эхо в пустом зале. Громов вышел из галереи и остановился на ступенях. Туман начинал рассеиваться — нехотя, будто не хотел. Озеро Сварг блестело серебром, и город проступал, как фотография в проявителе: сначала

контуры, потом детали. Денис лгал. Или не лгал — но точно недоговаривал. Цепочка на полу — это не случайность. Это след. И след вёл к Наталии Корм. А Наталия — к особняку. К бокалу. К Линну. Вопрос — зачем.

Глава 4. Ассистентка

Наталия Корм пришла в десять, как Денис и сказал. Точно в десять, не минутой раньше, не минутой позже. Пунктуальность, которая выдаёт привычку к порядку или страх к опозданию. Она была маленькая, худенькая, с тёмными волосами до плеч и лицом, которое не запоминалось. Не некрасивое — просто тихое. Такие лица хороши для галерей и библиотек: не отвлекают от экспонатов. Глаза — карие, внимательные, но не настойчивые. Одежда — серый жакет, белая блузка, тёмная юбка. Будто униформа.

— Наталия, — сказал Громов, когда она вошла в кабинет на втором этаже полицейского управления. Кабинет был маленький, окно на улицу, стол, два стула, лампа. — Следователь Громов. Присядьте. Она села. Руки — на коленях, сложены. Спина — прямая. Ни капли расслабленности. — Вы работали с Эдуардом Линном три года? — Да. С момента открытия галереи «Сварог». Эдуард Эдуардович пригласил меня сам. Я до этого работала в городском музее, в отделе декоративно-прикладного искусства. — Что вы делали в галерее?

— Каталогизация, приём, экспертиза. Я — искусствовед по образованию. Знаю фарфор, серебро, эмаль. Эдуард Эдуардович доверял мне экспертизу средних вещей. Редкие — делал сам. — Хорошие отношения? — Профессиональные. Эдуард Эдуардович не был человеком, с которым можно быть в близких отношениях. Он держал дистанцию. Но был справедлив. — Денис сказал, что вы были вчера в галерее около восьми вечера. Наталия чуть вздрогнула. Едва заметно — как лист на ветру.

— Да. Приносила документы по новой партии. Денис работал над каталогом, я передала бумаги, поговорили минут десять, ушла. — Куда ушли? — Домой. На Луговую, четырнадцать. Пешком. Это десять минут. — И больше нигде не были? Пауза. Короткая, но Громов её поймал. Как ловят рыбу — не сетью, а на ощущение поклёвки. — Нет, — сказала Наталия. Громов вынул пакетик с цепочкой. Положил на стол. — Это ваше?

Наталия посмотрела на цепочку. Лицо не изменилось — ни бледности, ни краски. Но руки сжались на коленях. Кулаки — маленькие, белые. — Да, — сказала она. — Моё. — Денис

Линн дарил? — Да. На день рождения. — Как она оказалась в кабинете Эдуарда Линна? На полу, под ковром? — Не знаю. Я не была в особняке Эдуарда Эдуардовича. Никогда. — Никогда? — Никогда. Он не приглашал. Дом — это крепость, так он говорил. Я знала это и не пыталась.

— Но цепочка ваша. И она в его кабинете. — Я не могу этого объяснить, — сказала Наталия. Голос — ровный, но в нём появилась нота. Как струна, которую натянули чуть сильнее. — Когда вы видели Эдуарда Линна в последний раз? — Вчера, около четырёх. Он был в галерее, проверял документы. Разговор — короткий, по делу. Ушёл около пяти. — Как он был? — Спокоен. Обычен. Никаких признаков. — Признаков — чего?

— Я не знаю. — Она опустила глаза. — Но в последние недели он изменился. Стал тише. Закрылся в кабинете на Стрелке, не звонил по вечерам, как раньше. Раньше он каждый вечер звонил в галерею — проверял, всё ли в порядке. А последние две недели — ни звонка. — Вы думали — почему? — Думала. Но не спрашивала. С Эдуардом Эдуардовичем не спрашивали — ждали, пока сам скажет. Громов сделал пометку. — Наталия, я спрошу прямо. У вас были отношения с Денисом Линном? Пауза. Длинная, как туман над озером.

— Отношения — это широкое слово, — сказала она. — Романтические. — Мы... дружим. Близко. Но это личное, следовательно. — Я понимаю. Но я расследую убийство, и личное становится профессиональным. — Убийство? — Она подняла глаза. В них — впервые — что-то живое. Страх? Удивление? — Я думал... Думала, что естественная... — Два бокала, один из которых стёрт. Бутылка, тронутая. Цепочка под ковром. Это не естественная смерть, Наталия.

Она молчала. Смотрела на стол, на свои руки, на цепочку в пакетике. — Я не была там, — сказала она наконец. — Я не знаю, как цепочка оказалась в кабинете. Но я не была. Громов кивнул. — Хорошо. Если вспомните что-то — звоните. Когда она ушла, он посмотрел в окно. Туман почти рассеялся. Озеро блестело, ровное, серое, как зеркало без рамы. Наталия кормила. Он знал это так же точно, как знал, что озеро Сварг — солёное. Не мог доказать — но знал. Вопрос — что именно она скрывала. И почему цепочка оказалась на полу у

Линна. Может, Денис принёс? Может, Наталия? Или кто-то третий, кто взял цепочку, чтобы указать на неё? Громов потёр лоб. Дел много, нитей много, а концы — в тумане. Как озеро Сварг в сентябре.

Глава 5. Партнёр

Виктор Засекин жил на Набережной, в квартире с балконом, нависшим над водой. Квартира была его гордостью — он рассказывал каждому, кто приходил, что купил её за бесценок у старого капитана, который уходил на пенсию и хотел уехать на материк. «Велесов — город для молодых, — говорил Засекин, — а я молод и в семьдесят». Он не лгал. Виктор Засекин в семьдесят два был энергичен, шумен и подвижен, как ртуть. Невысокий, плотный, с красным лицом и белой бородой, похожей на облачко. Голос — громкий, басистый, привыкший перекрывать шум порта и треск мотора.

Руки — большие, с толстыми пальцами, и на каждом — кольцо. Золото, серебро, перстень-печать с монограммой В.З. Громов пришёл в полдень. Засекин открыл дверь в халате — бордовом, бархатном, как у оперного певца. — Следователь! Входите, входите. Я ждал. Когда звонил Рудин, я сказал — пусть приходит. Мне скрывать нечего. Громов вошёл. Квартира — большая, четыре комнаты, и в каждой — вещи. Не антиквариат — скорее, коллекция жизни. Модели кораблей на полках, фотографии на стенах, сабля на подставке, компас на столе, штурвал — у двери вместо вешалки. Засекин был моряком тридцать лет, потом антикваром двадцать. Жил как в музее

себя. — Садитесь. Коньяк? — Нет, спасибо. — Правильно. На работе нельзя. Я бы выпил, но врач запретил. Печень, понимаете. — Он засмеялся. — Сорок лет пил как лошадь, и вот — печень подвела. Не океан, не шторм — печень. Ирония. Громов сел в кресло. Засекин —

напротив, на диван, откинулся, закинул ногу на ногу. — Когда вы видели Эдуарда в последний раз? — спросил Громов. — Вчера. Днём, в галерее. Около трёх. Мы говорили о коллекции. Вернее,

я говорил, он молчал. Как обычно. — О чём говорили? — О том же, о чём всегда. Я говорил — надо продать часть, он говорил — нет. Я говорил — коллекция должна работать, он — она должна храниться. Я — давай выставим в столице, он — Велесов, и точка. Тридцать лет один разговор, следовательно. — Вы кричали? — Кричал — я. Эдуард не кричал никогда. Это его раздражало и бесило. Он молчал, как камень, а я кричал, как прибой. И ничего не менялось. — Неделью назад вы ссорились. Денис слышал.

Засекин помолчал. Погладил бороду. — Слышал? Ну, слышал. Я не тихий человек, следовательно. Когда мне больно — я кричу. А мне было больно. Двадцать лет — в одну стену. Как кричать в подушку. — Вы говорили: «Я вложил двадцать лет и имею право решать». — Говорил. И скажу снова. Я привёл в галерею половину клиентов. Я нашёл «Сваргского рубина» — того, что Эдуард так любил. Я проверял сделки, когда Эдуард болел. Я — не партнёр? Я — компаньон? Или я — мебель? — А что ответил Эдуард? — «Коллекция останется в Велесове». Как всегда.

— Где вы были вчера вечером? — Здесь. Один. Смотрел хоккей по телевизору. Ложился в одиннадцать. — Кто может подтвердить? — Никто. Я живу один, следовательно. Жена умерла десять лет назад. Дети — в столице, не звонят. Я — один, как маяк на скале. Громов осмотрел комнату. На столе — недопитый стакан воды, пепельница с двумя окурками. На пепельнице — следы помады. Светлой, розовой. — Вы были одни? — переспросил Громов, глядя на пепельницу. Засекин посмотрел на пепельницу. Потом — на Громова. Улыбка медленно

сошла с лица. — Был... гость. Знакомая. Приходила к восьми, ушла к десяти. — Имя? — Следовательно, это личное. — Это следствие, Виктор Аркадьевич. Имя. Засекин вздохнул. Мощно, как пароход. — Ольга. Ольга Верес. Ювелир. Работает на Центральном, рядом с галереей. Мы... дружим. Уже два года. — Она знает семью Линна? — Знает. Работала с Эдуардом — реставрировала украшения для

коллекции. Делала экспертизу. Тонкая работа, понимаете. Ольга — мастер. — Она была в особняке Линна? — Не знаю. Может. Эдуард приглашал её — показать вещи, обсудить реставрацию. Но не часто. — Когда вы видели Ольгу вчера? — Она пришла ко мне в восемь. Ушла в десять. Мы пили чай, говорили. О коллекции, о будущем. О том, что будет, если Эдуард уйдёт. — Уйдёт — как? — Умрёт, следовательно. Ему семьдесят два. Сердце, давление. Я думал — он уйдёт своей смертью. Не думал, что...

Он замолчал. Борода дрогнула. Потом: — Не думал, что так. Громов посмотрел на озеро за балконом. Вода — ровная, серая. Туман ушёл, и озеро лежало открытое, как ладонь. — Виктор Аркадьевич, последний вопрос. Вы знаете, что Эдуард в последние две недели изменился? Стал замкнут, не звонил. Засекин нахмурился. — Знаю. Я звонил — он не брал трубку. Это было... непонятно. Эдуард всегда брал трубку. Всегда. Даже когда злился — брал и молчал. А тут — тишина. Я подумал — болеет. Или

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.